

Константиновску – 420 лет!

*Сборник стихов и очерков
ко Дню города*

Альтаир
Ростов-на-Дону
2012

ББК 85.31
К 64

***Автор проекта и меценат –
Вячеслав Градобоев,
Составитель –
Василий Вегерин***

Константиновску – 420 лет!

К 64   Сборник стихов и очерков ко Дню города. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2012. – 68 стр.

В настоящей книге члены клуба «Константиновский краевед» продолжают сбор и публикацию материалов по истории любимого города, которому в 2012 году исполнилось 420 лет.

ISBN 978-5-91951-105-2

ББК 85.31

© Авторы, 2012 г.
© «Альтаир», 2012 г.

Валентина Граф

Историческая справка

420 лет назад в письменных источниках впервые упоминается городок «в Роздорех» – Верхние Раздоры (населённые пункты у донских казаков издавна назывались “городками”). Впоследствии за ним закрепилось новое название – Бабский. Это и был предшественник города Константиновска.

«Первое упоминание Бабьего, но под названием Верхние Раздоры, содержится в отписке московского посла Г.А. Нащокина, ехавшего по Дону в Турцию в 1592 году», – утверждал профессор В.Н. Королёв в своей уникальной книге «Донские казачьи городки» (издательство «Дончак», г. Новочеркасск, 2007 г.), к сожалению, не доживший до её выхода в свет. Владимир Николаевич был известным донским историком, казаком станицы Вёшенской, выпускником исторического факультета РГУ. Свои научные работы последних лет он посвятил истории возникновения казачьих городков, их названий, процесса их преобразования в станицы.

В указанной книге В. Королёв сообщает: «29 мая того года (1592-го) в 5 днищах от волжско-донской Переволоки конвой посольства отбил нападение разбойных черкас и освободил в ходе боя 9 станичников, отправленных Г.А. Нащокиным впереди посольства в Раздоры, и 2 донских казаков. Причем оказалось, что этих людей черкасы захватили «у Верхних Роздоров».

Затем на переговорах с казаками по прибытии в «нижние юрты» послу было выражено недовольство в связи с его намерением раздать привезенную селитру, свинец и серу не только низовым, но и верховым казакам. Низовцы говорили: «...Прежде сего присылали к нам селитру, по Верхние Роздоры. А верховых атаманов и казаков, которые выше Роздоров, с нами не мешивали». Посол выдал

большую часть привезённых припасов «на одни низовые атаманы и казаки по верхние Роздоры, оставив меньшую часть для верховых казаков».

Таким образом, 29 мая 2012 года, согласно отписке московского посла (пока хронологически первого упоминания о населённом пункте) городу Константиновску Ростовской области исполнилось 420 лет!

Следующим историческим свидетельством о Бабском городке является упоминание его в «Росписи от Воронежа Доном рекою до Азова, до Чёрного моря, сколько вёрст и казачьих городков и сколько по Дону всех казаков, кои живут в городках» от 1593 года. В этой росписи сказано: «Городок Бабей, Верхние Раздоры, устье Верхнее до конца Сиверского. В 55 верстах от Гагальника, на крымской стороне. 30 казаков». Всего в данной росписи перечислен 31 городок.

Упоминается городок и в «Росписи казачьим городкам, которые стоят по Дону с верховья до Воронежских вотчин» от 1594 года. Далее – в «Отписке воронежского воеводы Вельяминова М.А. в Посольский приказ» в 1638 году, где говорится: «И как государь он, Якушка, приехал от Озова на Воронеж, и он де встретил Григория Шатрова да Онтипа Устинова, и с ними донских казаков с твоею государевою зелейною казною на устье Северского Донца в Бабьем городке, днища за два за три до Озова».

7 декабря 1672 года Бабский городок (уже в числе 48 казачьих городков) упоминается вновь в показаниях донского атамана Фрола Минаева в Посольском приказе, в Москве.

Сохранились упоминания о городке в походных журналах 1695 и 1696 годов во время Азовских походов Петра Первого. В них сказано, что «городок стоит на острове, на левой стороне».

В начале 18-го века Бабский городок стал именоваться станицей Бабской. Название сохранилось прежнее. По версии донского краеведа В. Шумова, станица получила название Бабская «вследствие обилия в тех местах диковинных птиц пеликанов, которых казаки называли “птица-

---

баба”». По другой версии, место было названо так из-за большого количества каменных баб, поставленных на острове скифами в незапамятные времена.

В 1864 году станица Бабская слилась со станицей Ведерниковской и получила название Константиновской в честь великого князя Константина Николаевича Романова, младшего брата царствовавшего в то время Александра II. С тех же пор она стала центром I-го Донского округа.

В феврале 1919 года, при занятии станицы частями Красной Армии, было объявлено о переименовании её в город Розы Люксембург (видимо, как дань революционному времени). Но в официальных документах это название красные зарегистрировать не успели, так как Константиновскую снова заняли белые. Только в 20 году в станице окончательно установилась Советская власть.

В 1924 году, после ликвидации I-го Донского округа, станица Константиновская становится районным центром Константиновского района.

С 6 июня 1941 года станица Константиновская относится к типу городских поселений и становится рабочим посёлком с тем же названием.

В начале 1967 года, к 50-летию Советской власти, началась большая подготовительная работа о присвоении рабочему посёлку статуса города. Так как рабочий посёлок некогда был назван в честь царствующей особы, поступали предложения и о его переименовании. На первомайской демонстрации пионеры уже вовсю пели песню:

*Плещутся флаги, песня слышна –
По Тиходонску ступает весна!..*

Но, согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 ноября 1967 года, рабочий посёлок Константиновский преобразован в город районного подчинения. За ним оставлено прежнее название – Константиновск.

В настоящее время город Константиновск, насчитывающий 18 тыс. человек населения, является районным центром Ростовской области.

Покровская церковь

Единственным памятником культовой архитектуры города Константиновска является Покровская церковь, построенная и освященная в 1912 году. Вот уже 100 лет она радует своей прекрасной архитектурой и прихожанина, и заезжего туриста, и просто прохожего.

Церковь была построена по проекту талантливого архитектора, новочеркасского казака Петра Семеновича Студеникина. Впервые Покровскую церковь высоко оценил в 1979 году Андрей Петрович Зимин, член областной архитектурной секции. А в 1980 году здание Покровской церкви, согласно решению райисполкома № 486 от 24 декабря 1980 года, было поставлено на местный учет как ценный памятник архитектуры.

Духовное и материальное возрождение церкви началось в 1988 году отцом Борисом (Павленковым) и продолжается сегодня. Без этой православной святыни города невозможно понять нашу духовную культуру, казачьи традиции и дух народа.

Сегодня здесь служат молебны, крестят младенцев, венчают молодоженов...

Константиновский гидроузел

Большим событием в жизни города было окончание строительства Константиновского гидроузла. Наряду со строительством Атоммаша и шахты «Обуховская Западная», гидроузел являлся важнейшей стройкой ростовской области. 10 декабря 1982 года сквозь него был пропущен первый караван судов. 30 лет работает гидроузел, пропуская крупнотоннажные суда и теплоходы с туристами вверх и вниз по Дону. Это новое уникальное сооружение с двумя подходными каналами и пятью мостами встречает на подъезде к городу Константиновску.

Вячеслав Градобов

Константиновск

Как по Дону идёшь от Цимлы до Ростова,
Есть станица на правом крутом берегу.
Здесь истории нашей сложилась основа, —
Как святыню, её я в душе берегу!

Казачьи поселенцы здесь лагерем стали,
А потом и построили свой городок.
Почему-то они его Бабским назвали...
Но свободы своей сберегли островок!

Здесь разбойничал долго неистовый Разин,
Поднимая ватагу друзей не одну
Против панских и царских лихих безобразий,
За свободу на Волге и Тихом Дону!

Здесь когда-то стояли два храма станичных,
Не смолкал колокольный залиvistый звон...
Огибая станицу вокруг острова Лучки,
Берега подмывает смирительный Дон.

Здесь целы терема купцов знатного рода, —
Старики ещё помнят их всех имена,
Хоть в Гражданскую много погибло народа,
Ведь за землю свою бушевала война...

**Много вышло отсюда героев достойных –
И героев войны, и героев труда.
Но, увы, ещё больше защитников стойких
Две кровавых войны унесли навсегда!**

**Здесь земля нам дарует богатство и силу,
На полях золотится обильная рожь.
А о том, как природа донская красива,
Не расскажешь словами...
Увидишь – поймёшь!**

Осень

Падает бесшумно рыжая листва,
Инеем покрыта жухлая трава.
Лес пустеет рано, осень холодна.
Частые туманы, ночь уже длинна.
Потемнело небо, хмурится река, —
Серы и безлюдны Дона берега...

Изредка в пролесках слышен птичий крик.
Иногда навстречу тащится грибник.
Потемнели травы по речным лугам,
Улетают птицы к тёплым берегам.
Редким гостем солнце забредает к нам.
По утрам белеет православный храм...

Заиграла осень, снегом пороша.
Часто дуют ветры, листьями шурша.
Но подчас капризна осень в ноябре:
Утром встанешь — дождик, лужи на дворе.
Днём посмотришь — солнце, жарко, хоть сгори!
А назавтра следом — снег и снегири...

Не споют нам песен птицы на заре,
Скоро мы увидим травы в серебре.
Сбросит одеянье скоро тихий лес,
И уйдет в забвенья чудо из чудес...
Следом за листвою — снега покрова,
И зима вступает вновь в свои права....

Край донской

В тишине багрового заката
Выхожу на берег я донской –
Здесь дышу цветочным ароматом,
Провожая солнце над рекой.

Уходящий день унёс заботы,
С проводами дня ушла печаль.
Завтра будет новая работа!
Не было сегодня счастья, жаль...

Я частенько выхожу на берег
Снова наблюдать картину ту...
Здесь платить не надо даже денег,
Чтобы видеть эту красоту!

Ниже по течению, где ерик,
Чинно вербы выстроились в ряд.
Там в песчаных косах левый берег,
А на правом дамбы в ряд стоят.

По весне здесь с шумом ходят льдины,
Застревая около мостов.
Рыбаки уходят на путину,
Провожая взглядами орлов.

А зимой бывает много снега –
Есть где ребятишкам поиграть!
И охотник в степь идет по следу,
Чтобы зайца в бурьянах застать...

Ну а летом, южным жарким летом,
Берега усеяны людьми.
И рыбак идёт сюда с рассветом:
«Тише, – просит, – рыбу не спугни...»

Хорошо здесь жить в краю заветном
От столиц задымленных вдали:
Утром просыпаешься с рассветом,
А ещё не смолкли соловьи!

Солнышко встаёт над тихим лесом,
Где-то травы косят косари.
Девушка красивая, из местных,
К Дону побежала до зари.

Искупавшись, заплетает косу,
И набрав ведро живой воды,
Быстро пробегает по откосу,
Оставляя мокрые следы...

У Дона

Ты помнишь тот берег у Дона?
Приходишь, стоишь не дыша...
Трепещет, как веточка клёна,
От той благодати душа!

Стоишь, очарован природой.
Река здесь светла и быстра.
Зайти бы поглубже в забродах,
Поймать раскидной осетра!

Ласкается солнце спросонок,
Горланит петух у крыльца.
От города к берегу Дона
Бегут с бредешком два мальчика.

Там слышатся редкие всплески –
Малька догоняет судак.
А в вербном густом перелеске
Сидит одинокий рыбак...

А солнце всё выше и выше...
Раздался казачий напев, –
То дедка из мазанки вышел,
Казачью фуражку надев.

Прошёлся тихонечко к Дону,
Умыл всё в морщинах чело,
Потрогал серёжки у клена,
Послушал жужжанье пчелы...

**В станице над Доном казачьей
Всё громче слышны голоса.
Проснулось и племя рыбацье –
Идёт на работу, бурча.**

**Всё так же, как в прежние годы,
Ведут разговор о судьбе,
О горестной доле народа –
Не просят поблажек себе.**

**За правду, а не за награды
Болеют казачьи сердца.
Вот если что Родине надо –
Дела доведут до конца!**

Девичья грусть

В курене станичном свет давно горит.
Дева с рукодельем у окна сидит –
Вяжет рукавицы, шьёт она кисет.
Может, ей приснится, а, быть может, нет
Паренёк чубатый на лихом коне –
Тёмненький, усатый, как влитой в седле.
Прошагает в сени, бурку сняв с плеча,
Поцелует милку, стиснув сгоряча...

Парень он красивый, нет его милей!
Будет он счастливым, если будет с ней!..
Тихо воет вьюга, снег кружит в окне.
Мается подруга – друг ведь на войне...
Девушка тоскует, шьёт ему кисет.
Для неё дороже парня в мире нет!
Катятся слезинки по крутым щекам.
Девушка в подушку плачет по ночам...

Аюдмила Градобоева

* * *

Я обращаюсь к вам, мои друзья, подруги!
Давайте будем город свой беречь!
Давайте каждый день лечить его недуги,
В разлуке ждать скорее новых встреч.

Ведь мы теперь за город наш в ответе:
За красоту в степях, полях, садах,
За тихий всплеск волны, за тёплый ветер,
За доброту в отзывчивых сердцах.

Пусть город наш растёт и процветает,
Пусть радуется новым светлым дням.
Его такие люди населяют,
Что просто сбыться радужным мечтам!

Городок на берегу

Сегодня мне приснился сон –
Сон удивительный, прекрасный!
В лучах заката Тихий Дон
Сиял там, как лампас атласный!

И городок на берегу
Был тих, задумчив и спокоен,
Затронул душу он мою
Своей неброской красотой!

И, словно эхом давних дней,
Мечтой, из юности воскресшей,
Заполнил счастьем сердце мне,
Помог забыть о наболевшем...

А утром я вдруг поняла,
Что не случайно сон мне дорог,
И Константиновск мой родной,
И в самом деле, – лучший город!

Какой же надо обладать
Красой, магической по силе,
Чтоб я стихи могла слагать
Тебе, мой город, сердцу милый!

Алексей Борогачёв

* * *

Через светлы реки,
да широки степи
конь мой мчится быстрою стрелой.
Ой ты, степь ковыльная
да дорога пыльная,
приведи скорее в дом родной!

Поклонюсь я матушке,
поклонюсь я батюшке,
Куреню родному поклонюсь.
Уж, поди, состарились,
казака заждались вы —
Скоро ль из похода возвернусь?

Через степь раздольную,
песня моя вольная,
до любушки лёной* долети.
Коль меня дождалася,
верною осталася,
к осени сватам велю прийти...

Где я только не был,
сколь земель не ведал,
краше Дона нету ничего!
Ой, земля донская,
ты — моя родная!
Так встречай же сына своего!

---

* Лёная — любимая (казачий диалект)

Иван Вегерин

* * *

Прошла последняя «Ракета»,
Раскрылись бакенов цветы.
Я вопрошаю: «Где ж ты? Где ты,
Мой “гений чистой красоты”?»

Все лодки убраны на берег,
Лишь волны катят под луной...
А я и верю, и не верю,
Что мы вдруг встретимся с тобой!

Паром, насыщенный огнями,
Буйки, как стаи лебедей...
Волной разлука между нами
Печально плещет много дней.

Но берег с берегом навеки
Донской волной породнены.
Знать, суждено и человеку
Найти свой берег у волны!

Найти свою судьбу в просторе,
Найти причал своей любви...
Я все преграды, словно море,
Переплыву, лишь позови!

**Осилю я все расстоянья,
Все реки, горы и леса,
Когда назначит мне свиданье
Твоя неспетая краса!**

**Приди не поздно и не рано,
Приди лишь раз и навсегда,
Чтоб мог прожить я многогранно
С любовью лучшие года!**

* * *

За рощу улеглись лучи заката,
И месяц тихо бредень полосатый
В зеркальный Дон с улыбкою роняет
И звёзды карасей в кустах гоняет.

Станица засыпала, смолкли дали,
Лишь месяц всё рыбачил неустанно...
А мы с тобой к ложине той шагали,
Где воздух был такой хмельной и пряный.

Лощина та пропитана цветами,
Затоплена горячим поцелуем.
В ложине той под звёздами мы сами
Ловили смех и ароматов струи...

Ту память не загладишь и веками,
Куда бы не вели судьбы маршруты, –
Как зори зажигала ты щеками
И звёзды смехом прятала в Дону ты!

Как в заросли бросала месяц ясный,
Пугая плеском сонных карасей,
Чтоб не увидел кто любви твоей
И поцелуй, медлительный и страстный...

Любовь земную птицы воспевали.
А месяц зря соперничал со мною!
И зори на щеках твоих пылали
И чаровали нежностью хмельною...

* * *

Дон курился рассветным туманом.
Уползая в засаду, луна
Маслянистые блики метала...
Стлалась гулкой волной тишина.

В этом ровном природы дыханье
Вдруг раздастся “кигик” лебедей,
Всплески рыбы да плавней шуршанье,
Да шлепки её рыбьих затей.

Над быстринами кручи подмыты –
Недодуманной думой висят.
Наблюдают, как волны завиты –
Яро пенятся, хлопья неся...

Предвещая рассвет уже близкий,
Пронеслась стая юрких чирков.
Звёздный свод, потускневший и низкий,
Наволакивал дым облаков.

Вдруг – заря! На пылающих крыльях
Взмыла в небо над сонной рекой.
И верхушки деревьев, как тульи,
Засияли, утратив покой...

Алексей Колосов

Степь

Степь раздольная вдаль влечёт меня...
Мне б буланого оседлать коня!
Мне б буланого оседлать коня
Да умчаться вскачь к ковылям седым,
Что плывут в степи, словно белый дым.
Что плывут в степи, словно белый дым...

Припев:

Спой, гитара моя, песнь старинную
О степи донской – да былинную!
В стороне родной вольно дышится,
В курнях напев часто слышится!

На родной земле, во степи донской
Даже ветер-брат песнь поёт со мной,
Даже ветер-брат запоёт со мной,
Как за вольницу наш казак лихой
Живота своего не щадил порой!
Живота своего не щадил порой...

Вера Магомедова

Нрав донских казаков

Догорает закат у донских берегов,
Отражающих свет, словно пламя костров.
Ты поведай, волна, у крутых берегов
Про широкую степь и про нрав казаков.

Припев:

Где-то слышен тихий звон,
Тихо катит воды Дон.
Но не тихий — не таков
Нрав у наших казаков!

Наша память хранит годы давних боёв...
Сколько их полегло у донских берегов!
Сколько их полегло, защищая свой дом,
Знает только волна, знает бабушка Дон!

Догорает закат у донских берегов,
Но не только волна помнит нрав казаков.
Ты запомни и чти, и друзьям изреки:
Вот такие они — на Дону казаки!

Мой город

Приютился у самого Дона
Небольшой городок Константиновск.
Нет теплее родимого дома,
Где родился, живу я и вырос!

Воздух и солнце – не надо другого!
Вода серебрится Тихого Дона.

Славлю всюду тебя, город добрый,
По тебе я тоскую вдали:
Всё мне чудится – плещутся волны,
Шлют гудками «привет» корабли.

Ветки сирени склонились у дома,
Птицы вьют гнёзда у Тихого Дона...

Константиновск, в военные годы
Ты отважно сражался в бою.
Одолел, перенёс все невзгоды
И, как прежде, остался в строю!

Гремели раскаты, да только не грома,
Падали звёзды и гасли у Дона...

Расцветай же, мой город привольный,
Фейерверками свадеб звеня!
Далеко слышен звон колокольный...
Здесь отчизна – твоя и моя!

Рассветы, закаты – здесь всё по-другому...
Я кланяюсь низко Тихому Дону!

Гидроузел

Сегодня праздник – юбилей!
Давайте вспомним имена
Всех тех, кто силы не жалел
На стройке той – гидроузла.

На стройку съехались тогда
Строители плотины.
Посёлок строили, дома –
Все молодыми были!

Родители благодарили
Строителей за детский сад.
Звучали песни, танцы были –
Всё на весёлый было лад!

За всем, что здесь происходило,
Следила тихая река.
Наверно, нелегко ей было,
Но не перечила, легка...

Околдовали наше племя
И степь, и чистая вода...
Приехали сюда на время,
А жить остались навсегда!

* * *

По степи да по донской,
Сократив дорогу,
Скачет конь вороной
К хутору родному.

У родного у крыльца
Выросла рябина...
Годы долгие ждала
Мать родного сына.

Слёзы нынче не скрывай,
Не прячь своё счастье,
А калитку отвори –
Кончилось ненастье!

Солнце льёт лучи опять,
Всё вокруг запело.
Открывай оконце, мать, –
Птица прилетела!

Отшумел густой камыш
У реки у Дона.
Снова вдаль ты всё глядишь –
На посту у дома.

Будешь вновь ты тосковать,
Встречать, расставаться...
Мать умеет долго ждать,
Только бы дождаться!

Ирина Млакунова

* * *

Последний аккорд уходящего лета
Оставил на память беспечный сентябрь:
Немножечко неба, немножечко света —
Немножко разбавил печаль мне хотя б!

Не жаль ему пальцы обугленных клёнов,
И ветер, пытаясь пожар потушить,
Срывает наряд их, когда-то зелёный,
Хоть я умоляю его не спешить.

Ещё фонарями засветятся листья,
И в сумерках вспыхнет живая свеча.
И я этот вечер таинственно-мглистый
Уйду в неизвестность, молитву шепча...

* * *

Вчера шёл дождь.
Он глухо отбивал по крышам такт.
И осень, словно нищий музыкант,
просила подаянье у порога.

Я руки ей навстречу протянула,
и попросила мне сыграть на бис.
Она, осыпав с клёна рыжий лист,
чуть тронула тоски струну живую.

Дрожит на пальцах музыка дождя –
прелюдия к осеннему рассвету...
Я слушала, дыханье затая,
шепча «Прощай!» лазоревому лету...

Бессмертник

В степи уснувший городок,
Пропахший запахом полыни.
Кусты шиповника вокруг —
Мы в детстве среди них бродили...

И среди буйства диких трав,
Под солнцем юга не сгоревших,
Невольно за душу нас брал
Один цветок красою вешней.

Откуда сила вдруг взялась?
Как пережить сумел невзгоды?
Цветка неброский силуэт
Храню в душе все эти годы.

И если вдруг настанет срок,
Когда не станет сил бороться,
Я снова вспомню тот цветок,
И засияет в небе солнце!

Олег Мохов

Старая лодка

У паромной переправы,
где у Дона берег правый,
доверху водой залита,
лодка старая лежит.
Молодой была когда-то
и жила она богато,
но легко и незаметно
время быстрое бежит...

Породнилась с водной гладью,
отличалась ладной статью.
Был характер волевой –
спорила с любой волной.
И служила верно людям
(по делам о нас и судят!) –
Детям, бабам, мужикам
И, конечно, рыбакам!

Пролетели чайкой годы,
И посыпались невзгоды:
Нет ни якоря, ни вёсел –
Её просто кто-то бросил:
растеряв рыбачий пыл,
он про лодку позабыл...

У паромной переправы,
где у Дона берег правый,
лодка старая лежит,
а над ней камыш шуршит...

Наталья Симонова

Признание в любви

А над Доном туман,
и над степью прохлада,
да пичуга свистит среди тонких раки...
Я уеду туда,
где для сердца отрада,
где над жёлтою нивою беркут парит.

Наклонюсь над ручьём
с родниковой водою,
с наслажденьем напьюсь из звенящей струи,
да пройду босиком
и холодной росой
утомлённые ноги омою свои.

Надышусь ветром всласть,
под осиновою тенью
на часочек-другой упаду в ковыли.
Пред тобой, моя степь,
я встаю на колени
и всем сердцем тебе объясняюсь в любви!

Степь

Бесконечная тихая степь
вышивает ковыльную гладь.
Я люблю на рассвете смотреть,
как лучи тот ковыль золотят.

Пробежался волной ветерок,
раскачав васильковую синь.
Сладко-пряно пахнул чебурок,
горьковато – хмельная полынь.

Гордый беркут врезается в высь –
распростёр два крыла и летит.
Вдруг над балкой терновой завис,
рядом с облаком плавно парит.

Что внизу зоркий глаз усмотрел? –
Там замешкался заяц-русак.
Беркут – камнем к земле! – не успел:
заяц прыгнул и скрылся в кустах.

И опять тишина, лишь сверчки
всё трещат, редко ухает выпь.
Вновь шиповник зажёт огоньки,
и ромашки цветут у ракит.

У реки – ежевичный ковёр,
по оврагам – колючий осот.
Вдоль дороги тюльпанный костёр
алым пламенем ярко цветёт.

**В перелесках – акации цвет
да тутовника ягодный шквал.
И опять бесконечная степь
по равнине раскинулась вдаль.**

**Разнотравьем душистым зовёт
и неброской влечёт красотой...
Сердце плачет, смеётся, поёт,
покорённое степью донской!**

Ветер

Разгулялся ветер по-над Тихим Доном,
отозвался в небе колокольным звоном.

В ковылях зарёю напугал синицу,
прошуршав листвою, разбудил станицу.

По степи пронёсся с табуном игривым,
молодую лошадь ухватив за гриву.

И по водной глади озорным порывом
пробежался рябью, растревожив ивы.

Нарезвившись вволю, полетав за птицей,
до земли на поле наклонил пшеницу.

Облака со стоном пораздёргал в клочья,
в камышах за Доном затерялся к ночи...

Как затишье мило! Не качнутся ветки...
Но, набравшись силы, возвратится ветер.

Не привыкнуть сроду к ветряному нраву, –
На Дону погоду Бог да ветер правят!

* * *

Мягко стелятся туманы,
даль задонья чуть видна...
Константиновск утром ранним
тих ещё во власти сна.

Спят тенистые аллеи,
еле слышен шёпот волн.
И едва-едва алеет
на востоке горизонт.

Не тревожит птичий гомон,
и машины не снуют.
Только в рощице за Доном
соловьи ещё поют.

Улицы совсем пустынные, —
редко кошка пробежит,
в кронах ветер шаловливый
осторожно прошуршит...

Но пробился сквозь туманы
лучик солнца золотой.
Просыпайтесь, горожане!
С добрым утром, город мой!

* * *

Маленький дом, небольшое крыльцо,
церковь почти по соседству.
Здесь моё детство когда-то прошло –
доброе милое детство.

Ниже спустись – и у ног твоих Дон!
Бакен волною качает...
А чуть левее – тудяга паром
груз через реку таскает.

Здесь мы на пристань ходили порой,
чтобы встречать пароходы,
или бежали весёлой гурьбой
вслед за цыганской подводой!

Время летело, мелькали года...
Детство ушло безвозвратно.
С городом я попрощалась тогда –
мол, не вернусь я обратно.

Тем, кто на правом стоял берегу,
долго махала с парома.
Я уезжала в глухую тайгу –
прочь от родимого дома.

Только под песни сибирских ветров
снились степные мне дали.
В мае не таял здесь снежный покров,
там же – сады зацвели!

Мир повидав, я вернулась домой...
Здравствуй, родной Константиновск!
Родина малая, берег донской,
больше я вас не покину!..

Праздник Покрова

Покровской церкви купола,
Сияя, солнце отражают –
Зовут отбросить все дела
И в храм господень приглашают.

Дела делами, но душой
Давным-давно пора заняться.
Чтоб дать ей благостный покой,
В храм божий следует подняться.

Звучит негромкий перезвон
Ожившей колокольни снова.
И православный Тихий Дон
Блестит, как новая подкова!

О родном

Край родной! Сторона дорогая,
Ты запала мне в душу навек.
Эту степь без конца к без края
Разве может забыть человек?!

То, что с детства его окружало,
Навсегда остаётся в любом.
И, куда бы тебя ни бросало,
Вечно помнишь родительский дом.

Помнишь степи, ковыльно-седые,
Запах донника и чабреца,
Волны Дона, такие родные,
И струю голубую Донца.

* * *

Здесь начало начал,
Здесь родные чертоги,
Здесь все стёжки-дорожки
По судьбе пролегли...
Это линии жизни —
Хуторские дороги —
На шершавых ладонях
Раскалённой земли.

Здесь раскинулась степь,
И хлеба, созревая,
Позолотой звенят,
Быстрый ветер спугнув.
Здесь к крутым берегам,
Облака отражая,
Отливая лазурью,
Дон усталый прильнул.

...У судьбы никогда
Ничего не просил я
И за птицей удачи
Не ходил за моря.
Я Россию люблю —
Я пропитан Россией!
И, надеюсь, она
Не забудет меня...

* * *

Я пройду по берегу Донца –
Там, где дремлют лодки на мели, –
И коснётся моего лица
Первый луч разлившейся зари.

Тишина весит на волоске.
“Здравствуй”, – прошепчу я тихо ей.
На обмытом волнами песке
Будет первым след ноги моей.

А потом задиристый петух
Кукарекнет звонко на плетне.
Я увижу первым, как потух
Месяц в предрассветной синеве...

* * *

Вот и всё. Отцвели васильки,
Отшумели колосья пшеницы.
Облаков голубые венки
Проплывают над краем станицы.

И качаются, как на волнах,
В переливах вечернего света.
И уносят на лёгких крылах
Отзвеневшее пёстрое лето...

* * *

В тёплой тине квакают лягушки,
В речке тонет жёлтый диск луны.
Россыпь звёзд, как рыжие веснушки, —
На носу хохочущей волны.

Тень от лодки... У затона, рядом —
Лёгкое упругое весло
Бьёт о воду с уханьем, с потягом,
И скрипит задиристо и зло.

Прост пейзаж. Сюжет без поворотов.
Только я смотрю — не посмотрюсь!
В этой простоте такое что-то,
Как в коротком ёмком слове “Русь”...

Юрий Митов

Берег Дона

Берег Дона, берег Дона, берег Дона –
Нету лучше места на Земле!
Чаек перебранка у затона,
В небе – перекличка журавлей.

Разожгу костёрчик плавниковый,
От огня не отрывая взор.
Это пламя так старо и ново,
Что волнует душу с древних пор!

Щука разгоняет “малолеток”,
И сверчки поют, как соловьи.
Прошуршит змея тихонько где-то,
Выпи стонут, словно вдовы, и...

Берег Дона, берег Дона, берег Дона –
Лишь полоска мокрого песка.
След свой оставляю у затона...
Берег Дона – в сердце, жив пока!

Песня о Константиновске

Берег Дона, степные картины –
Ярко утро встаёт над рекой.
Просыпается мой Константиновск...
Как прекрасен он каждой весной!

Милый город, где детство и юность
Пролетели, как будто во сне...
И по улицам, ровным, как струны,
Сердцем юный, брожу в тишине.

Этот город совсем не великий,
Хоть давненько стоит на Дону.
Я люблю земляков своих лики,
И аллеи, и храмы люблю!

И горят купола золотые, –
Значит, есть ещё сила у нас!
Так живи, процветай Константиновск,
Чтоб враги трепетали подчас!

Вновь река погружается в сумрак –
тихо плещется сонной волной.
Засыпает и наш Константиновск...
Доброй ночи, мой город родной!

Вячеслав Традобов

Двадцатый год

Родители Василия давно уехали из донской станицы, и он остался жить с дедом. Ему нравилась станица с её широкими улицами, сиянием золотых куполов на храмах, с её купеческими домами Сивякова и Плотникова по улице Центральной, с домом купца Рубцова на Биржевой. Любил Василий пройтись вечером по тенистой алее улицы Архангельской от Покровского храма до храма Святителя Николая, называемого в народе Михайловским собором. Алею разделяла площадь с часовней Николая, а за часовней шумел станичный рынок. Центральные улицы были вымощены гладким булыжником, отполированным с годами пешими и конными казаками. Вечерами в станичных дворах часто звучали разудалые походные казачьи песни. Правда, в двадцатые годы в некоторых старинных кирпичных домах расположились конторы и военные учреждения. Но всё же жизнь в станице кипела, она была многолюдной, многое ещё принадлежало частным ремесленникам, лавочникам и просто деловым людям. Работали кирпичные заводы, хлебопекарни, дразнящие станичников ароматным запахом свежеспеченного хлеба.

Уже несколько дней по улицам ходили слухи об отряде есаула Назарова, которого Василий мечтал увидеть. О боевых походах бывшего народного учителя, окончившего Новочеркасское юнкерское военное училище, рассказывали много интересных, а порой и страшных историй. «Какой он на самом деле?» – с интересом размышлял Василий. Ему с детства хотелось иметь своего боевого коня, быть лихим и

отважным казаком, участвовать в знаменитых сражениях. «Ведь Назаров работал в железнодорожных мастерских, в порту, учительствовал, а потом стал военным. Я тоже могу стать боевым офицером!» – думал Василий. Но отец отправил его в Ростов обучаться ремесленному делу. Он мечтал, что Василий в будущем станет грамотным инженером на заводе в большом городе, а впоследствии построит свой завод. Но на Дону начались аресты и мобилизация в Красную армию, и отец на время уехал за границу. А Василий, почувствовав свободу от отцовской опеки, вернулся в родную станицу к деду...

Вскоре на улицах появились военные патрули. Некоторые молодые ребята стали объединяться в отряды обороны. В станице располагался красноармейский караульный стрелковый батальон, эскадрон всадников и выздоравливающие бойцы Красной армии.

Однажды с северо-запада послышались выстрелы и артиллерийская канонада. Василий вместе со своим соседом Николаем побежали на возвышенность к Покровскому храму посмотреть, что происходит за станицей? Их обогнали несколько красноармейцев и небольшой конный отряд. Два красноармейца прокатили пулемёт к ступенькам церкви.

Мирные станичники в спешке разбегались по домам, и только несколько подростков выжидательно наблюдали за военной обстановкой.

Вскоре бой переместился к станице, небольшие отряды красноармейцев и местной молодежи, поддерживая раненых, отступали к Дону и к центру станицы.

Василий с Николаем побежали к своим домам. Оглянувшись, они увидели, как из Каменной балки показался отряд всадников. Их гиканье и свисты были слышны издали. Сметая на своём пути отступающих красноармейцев, они

летели в сторону храма. Некоторые всадники отделялись от отряда, устремляясь к домам, где слышались выстрелы.

Вот всадники выехали на прямой простор перед церковью, но здесь их встретил пулемётный огонь. Пулемётчик, забравшийся на колокольню, сыпал длинными очередями. Послышались стоны раненых, ржание лошадей. Конница отступила, рассыпавшись по балке в обе стороны.

Взволнованный Василий, прибежав домой, взял дедовский карабин, и, набив карманы патронами, выбежал на улицу. Кругом слышались ружейные и пистолетные выстрелы, где-то строчили пулемёты.

Василий не знал, куда бежать, в каком направлении идёт главный бой, где он больше всего сейчас нужен? Он решил бежать к храму, где последний раз видел конный отряд наступающих казаков. Ведь там может быть отважный Назаров? Василий обязательно должен его увидеть!

Канонада выстрелов стихала, уходила на окраины станицы. Еще кое-где во дворах слышались крики, звон шашек и выстрелы. На улицах лежали убитые красноармейцы и казаки, бродили раненные лошади.

К храму подъехал казачий конный отряд. Среди всадников особенно выделялся один, на гнедом коне, подтянутый, уверенно сидящий в седле. Он чётко отдавал команды, указывая шашкой в сторону Михайловского собора. Судя по описанию, Василий понял, что это и есть есаул Назаров. Подросток стоял в стороне и не осмеливался подойти к командиру казачьего отряда. Но Назаров, отдав очередной приказ и вложив шашку в ножны, сам увидел Василия. Он подмигнул подростку и, улыбнувшись, ускакал с отрядом к центру станицы.

Придя домой, Василий рассказал о своей встрече с Назаровым деду и соседскому подростку Николаю. Весь вечер он делился своими юношескими впечатлениями.

Но Николай по натуре был трусоват. Отец его работал на кирпичном заводе, и он уже тоже подрабатывал там. И менять что-либо в своей жизни он не хотел, часто уговаривая Василия не горячиться и не спешить с выводами. Отец Николая рассказал подросткам, что казаки Назарова порубили две сотни красноармейцев и больше сотни взяли ранеными в плен.

Глубоко за полночь вернулся Василий от Николая домой. Поставив карабин у кровати, и высыпав патроны на стол, он лёг спать. Но дневные переживания долго не давали ему уснуть. В мечтах он планировал свое боевое будущее и забылся только под утро.

Проснулся Василий далеко за полдень, от артиллерийской канонады. Дом содрогался от разрывов снарядов, звенела посуда, на улице слышались крики, стрекотание пулемётов. Схватив карабин, Василий выскочил на улицу. Отовсюду слышались стоны раненых, женский плач, в воздухе стоял резкий запах гари. По улицам проносились небольшие отряды всадников, стояли разбитые телеги с зерном, проходило много раненых, как из казаков отряда Назарова, так и из числа станичников. На окраине горели хаты, на каждом шагу зияли воронки и чернели обгоревшие деревья. Канонада приближалась со всех сторон.

Василий устремился к храму в надежде увидеть конный отряд Назарова. Пробежав три квартала, он услышал пулемётную канонаду и ружейные выстрелы. Впереди показалась бронемашина, поливающая свинцом станичную улицу. Не успев зарядить карабин, Василий бросился бежать на соседнюю улицу и, недалеко от дома Николая увидел отряд всадников с красными лентами на папах.

Подросток подбежал к ближайшему дому, но открыть калитку не успел. Один из всадников, увидев убегающего с карабином Василия, догнал его и со словами: «Ах ты гадё-

---

ныш!» рубанул шашкой по молодому разгорячённому телу и, не оглядываясь, ускакал к своему удаляющемуся отряду.

Николай видел в окно, как свистнула шашка казака, и Василий стал оседать, пачкая кровью соседскую изгородь. Его тело ещё несколько раз вздрогнуло, кисть руки разжалась и выпустила так не разу и не выстреливший карабин.

Мёртвые карие глаза подростка устремили стеклянный взор в голубое донское небо...

Первая кровь

На востоке занималась алая заря. Сегодня она казалась ярче и краснее обычной, какую местные донцы привыкли видеть каждое утро.

Тишину правого берега Дона нарушили негромкие разговоры всадников и похрапывание взволнованных лошадей. Конный отряд не спеша продвигался к хутору. Прокукарекал первый петух, и где-то на окраине залаяла собака.

Послышались приглушённые голоса, и из крайней хаты два казака выволокли под руки еще сонного босого мужика в белой рубахе и армейских штанах. За ними семенила женщина в длинной ночной рубашке. Волосы ее были растрёпаны. В предчувствии большой беды она рыдала и о чём-то молила казаков. Боясь усугубить положение, женщина старалась прикрывать рот ладонями, чтобы не кричать.

Казаки подтащили ничего не понимающего мужика к подъехавшему всаднику, который коротко спросил: «Он?». «Да!» – послышался ответ.

Свистнула шашка и алая кровь брызнула на белую рубаху пленника, испачкав стоящего рядом казака. Раздался громкий женский крик, и снова свистнула шашка. Два окровавленных тела упали рядом на прохладную, еще не высохшую от утренней росы траву, окрашивая ее в ярко-красный цвет.

Конный отряд рассыпался по хутору, послышались выстрелы, свист, крики и причитания местных баб.

Так пролилась первая кровь...

Клад

Казачки часто спрашивали Егора, почему он свою дочь назвал Елизаветой? И он каждый раз, как бы шутя, отвечал, что это имя царское, и он хочет, чтобы его наследница была богата, как царица, ни в чём никогда не нуждалась и не бродила по родной земле в поисках лучшей доли, как это делали казаки.

Елизавета хорошо помнила своё детство. Редкие визиты отца, завистливые взгляды взрослых казачек, пронзительный взгляд раненых казаков. Иногда ей даже приходилось слышать вслед: «Вон пошла дочь этого бандита Егорки». Но, будучи маленькой, она не придавала этому значения. А на её вопросы об отцовских походах мать и знакомые отца часто отшучивались или переводили разговор на другую тему.

Отец, возвращаясь из похода, был часто хмурый и раздражительный. Но проходило два-три дня, и он снова становился бодрым и веселым. Посадив маленькую Лизу на коленку, он покачивал её, приговаривая: «Ну вот, моя царица стала ещё богаче! Ты у меня будешь самой богатой царицей!»

...Тёплым летним вечером три обросших мужика шли по лесной тропинке, отдаляясь от берега реки вглубь леса. «Здесь» – сказал один, сделав зарубку на вековом стволе дерева.

«Это четвёртый схорон», – сказал атаман Егорка и изподлобья поглядел на казаков. Все они были уставшими и измотанными боевыми походами от берегов Дона до Волги...

Однажды глубокой ночью шестилетняя Лиза проснулась от шума в избе. В то время они жили в деревне, недалеко от реки, уносящей свои воды в Волгу.

Мать торопливо собирала тёплые вещи, пока отец разговаривал со своими казаками Василием и Николкой. Он что-то торопливо объяснял матери. Заспанная девчушка запомнила обрывки разговора, как прощание с отцом: «...Под полом в избе – пуды золота, посуда серебряная, фунты жемчуга, кувшин золота арабского, украшения всякие...»

Увидев дочь, Василий сказал: «Ну, царица, ты стала богатой! Вам тоже уходить надо...»

В тот холодный вечер мать с Лизой и ещё несколько казачьих семей отправились на Дон. Пока добирались до донских степей, обозы часто останавливали боярские слуги или солдаты, проверяя, нет ли беглых крестьян или казаков.

...Через год, холодной осенью, два казака, Василий и Егор, одетые в зипуны, стояли у старого дерева с зарубиной на стволе. «Теперь это всё наше... Будем уходить на Дон!» – сказал атаман.

В эту же зиму казак Василий умер от воспаления лёгких на чужом хуторе, унося с собой тайну кладов...

После отъезда отца Лиза с матерью часто переезжали из хутора в хутор. Новым соседям объясняли, что они погорельцы. А среди проверяющих дворянских отрядов она находила старшего и отдавала ему узелок с угощениями. Позднее, когда Елизавета сама стала матерью, она поняла, что мать отдавала царским воякам не угощение, а монеты или украшения, спрятанные в узелках.

Добравшись до Дона, семья Егора поселилась у дяди, родного брата атамана. Отца Лиза больше никогда не видела, как и своих “царских богатств”.

А отряд атамана Егорки попал в западню и почти весь полёг. Атаман погиб от пули царского солдата, так и не увидев свою дочь богатой.

Через десять лет скоропостижно умерла мать Лизы.

Прошли годы. Лиза, давно ставшая Елизаветой Егоровной и далеко не царицей. И ещё долго вспоминала об отце, до конца жизни рассказывая внукам о золоте, серебре и драгоценностях, которых им порой так не хватало...

Валентина Фоминичева

Скрипела мельница крылами

Я стояла у старой ухоженной могилки и смотрела на бесконечно дорогое лицо моей бабушки Домны Ивановны Фоминичевой. Она глядела на меня с фотографии, а я невольно вспоминала её рассказ, который врезался в мою память навсегда.

«Жили мы тогда, Валюша, нормально, крепкая семья была, — говорила бабушка, — но беда постучала в дверь неожиданно-негаданно. Хотя по нашему хутору Вислому у всех его жителей уже шелестело на губах страшное слово «раскулачить». Добрались и до моего свёкра Евтея Фоминичева — прадеда твоего, значит. Посчитали его богачом, потому что он держал на своей мельнице двоих работников. Потом и Осю, мужа моего, раскулачили. Приговор — сын кулака, хотя у нас с ним тогда и коровы-то не было. Меня ведь он из бедной семьи взял. Нас у матери с отцом было пятеро. Домочкой Лебедевой все меня звали: белолицая я была да кудрявая. Увидел меня Ося, дед твой, в окружной станице на ярмарке. Пряником угостил, на карусели прокатил. Видать, я ему сразу понравилась, что против родительской воли пошёл, не стал жениться на богатой. Хорошо, свёкор нам флигель купил да курочек отделил. А к работе я привычная сызмальства была.

Зима в тот год выдалась снежная да суровая. Раскулаченных, вместе с жёнами и детьми стали грузить на подводы. Я с полугодовалым Проней, отцом твоим, на колени падала перед уполномоченным и со слезами просила подождать с отправкой. Дело в том, что старший мой сынок

Ваня в это самое время находился в Константиновской, у моей сестры Дуни. Как же мы могли уехать куда-то в даль неизвестную, бросив своего дитя! «Не положено ждать!» – отрезал уполномоченный, что командовал погрузкой, и всё тут. Так и увезли нас без Вани, а он остался с тёткой да с её сыном Стёпкой, с каким был не разлей вода с раннего детства. Почти одногодки были они, братья двоюродные, вместе на Дон ходили рыбу ловить, а то и на бахчу пробирались арбузы лопать. Дуня не обижала детей, оба ведь родная кровь – и сын, и племянник...

На железнодорожной станции погрузили всех – и нас, висловских – в товарные вагоны, пересчитали и отправили, как потом мы поняли, на Урал. А сердце моё разрывалось: как же там Ваня, свидимся ли живыми?

А зима, я уж говорила тебе, Валюша, в тот год на Дону была редкая, сильно снежная. Рассказывали, что вся станица Константиновская была завалена снегом по самые трубы. И только колокольня Покровского храма далеко была видна. Подворье Дуни тоже завалило, а Ваньке со Стёпкой – раздолье и радость! Резвились, прыгали по крышам с амбара на летницу, потом на коровник, на свиарник и обратно. А беда-то рядом ходила. У амбара соломенная крыша возьми да и провалилась, и Стёпка ухнул вниз. Ни стона, ни крика – виском прямо на камень...

Дуня долго выла, огушённая горем. «Встань, сыночка моя... Хоть словечко скажи...» Да, внученька, нет горя лютее, чем дитя родного хоронить. Не приведи Господи никому!

Долго ещё Дуня причитала, а Ваня ещё не совсем понимал, что же произошло. Уставился глазёнками на алое пятно на снегу и смотрел на него, не отрываясь. А потом позже, в детдоме, долго не мог спать, иногда до утра, потому что все чудилось ему это пятно на белом-белом снегу.

Всего шесть лет было Стёпке, когда он вот так погиб. Дуня никак не могла успокоиться. За какие же грехи ей такое тяжкое наказание? И однажды, одуревшая от горя, прошипела прямо в лицо Ване: «Лучше бы ты убился! Ты же никому не нужен!»

Эти слова легли клеймом на всю Ванину жизнь. И беспризорничал, и побирался, было такое и воровал, чтоб прокормиться. Пока добрые люди не определили его в детдом.

Рос он смышлёным, до всего хотел своей головой дойти, много книжек читал. Очень любил книгу о Спартаке. Потом говорил мне, что эта книга его путеводитель по жизни...

А встретила я со своим сыночком аж через двадцать лет, когда вернулась в хутор из ссылки. Сердце всё изнылось по нему, глаза все выплакались... Вернулась я уже без мужа. Осю, деда твоего, с Урала забрали на фронт, и он пропал без вести в 43-ем году под Сталинградом. Остались мы с Проней, твоим отцом, одни в чужом краю. А когда после войны вернулись в Вислый, жить нам было негде. От нашего родового хозяйства осталась, как памятник, только старая мельница Евтея, что между нашим хутором и Мечётным стояла. Долго она, мельница-то, махала остатками крыльев на ветру. Гражданскую пережила, в Отечественную устояла. Да ты, внученька, должна её помнить, уже большенькая была, когда ее напрочь-то поломали.

Делать нечего, подались мы с Проней к родственникам в Константиновскую. Тут он и женился на Марии, твоей маме, тут и ты родилась. Сюда и Ваня после армии пришёл. И умный, и видный из себя, а жизнь у него почему-то так и не наладилась...

Ну, ладно, Валюша, поздно уже, давай спать ложиться...»

Не помню, сколько времени простояла я у бабушкиной могилы, всматриваясь в ее лицо на фотографии. На глаза

наворачивались слёзы. Раньше, по молодости, не понимала, а теперь, как молнией пронзило — я почувствовала всю тяжесть судьбы, выпавшую на долю моих предков. Дядю Ваню помню: умный и статный, он привлекал собой многих девушек и женщин. Но ни одной из них так и не смог сказать: «Пока смерть не разлучит нас». Эти слова он, по сути, сказал только матери, с которой и жил вместе до её кончины. Видно, больно ранило его душу насильное сиротство. Умер он бобылём... Отец же мой, Прокофий Иосифович Фоминичев, слава Богу, и ныне жив!

Вспомнила я и прадедовскую мельницу, которая всему виной в истории семьи оказалась. В начале 70-х она ещё стояла, зияя пустыми глазницами окон. Помню, как поразил меня какой-то незнакомый, словно космический звук: скрип двух оставшихся крыльев маховика сливался со свистом ветра, гулявшего в пустом остове мельницы. Наверное, так звучит само Время...

Евгений Карура

История наплавного моста

Разговор двух приятелей:

– Где был?

*– У друга. Приехал со стороны Шахт,
переправился паромом через Северский Донец.*

Уезжал также паромом через Дон.

– Так твой друг живёт на острове?!

Исторически сложилось так, что экономические интересы Бабского городка, расположенного на острове Лучка, и станицы Константиновской находились на ногайской стороне, то есть на левобережье Дона. Казаки Бабского городка имели здесь сенокосы и пастбища, с чем связана старинная легенда, бытующая с тех пор, когда левая сторона Дона была ещё под турками.

Казаки жили на острове Лучка, а сюда переправлялись на баркасах и косили траву. Там были сторожевые вышки с казачьими дозорными. Однажды они прозевали турок, которые всегда налетали молнией. Казачки с охранявшими их казаками быстро собрались в баркасы и уплыли на остров. Но одна женщина в спешке забыла колыску (люльку) с младенцем. Тогда турок поднял её на пику и стал звать мать: «Марыся, Марыся!» Все уже мысленно похоронили дитя, но когда вернулись, ребёночек спокойно спал под кустом...

Юртовая земля и хутора, отделившиеся от станицы Константиновской так же находились на ногайской стороне, так как почва была здесь плодороднее.

С 16 века до 1920 года окружная станица I-го Донского округа имела связь с хуторами через Дон, то есть посред-

ством лодок, баркасов и паромов. Казаки терпели от этого немало неудобств. Зерно, мясо, сено, соль с Маныча, уголь для левобережных жителей – всё это только малая часть товаров, перевозимая несколькими маленькими паромами у станицы Константиновской. Наличие пристани, складов для хранения зерна и прочих товаров, размещение представительств известных торговых фирм делало окружную станицу привлекательной для развития новых экономических отношений.

Если ранее река служила естественной водной преградой для защиты от набегов, то теперь вода разъединяла.

Старожилы вспоминают, что до революции якобы планировалось построить железную дорога через станицу Задоно-Кагальницкую до города Батайска, по левой стороне Дона. Предприимчивые казаки начинали уже скупать земли. Но тут грянула революция, которая внесла в экономику свои коррективы. Потом-то дорогу проложили, но через Сальск...

В начале XX века Дон летом был судоходен от устья до станицы Цимлянской. Правда, пассажирские пароходы ходили редко, отправляясь из Ростова-на-Дону два раза в неделю – вторник и пятницу.

В то же время мелкие судовладельцы жаловались на совершенно незаконные поборы, взимаемые с них со всех сторон. Особенно много нареканий вызывали поборы у Старочеркасского наплавного моста, принадлежавшего станичному правлению, которое сдавало его в аренду. Арендатор совершенно безнаказанно и бесконтрольно собирал плату со всех конных, пеших, а главным образом с проплывающих мимо судов.

Константиновская, Кочетовская и Мелиховская станицы, соблазнённые ожидаемыми выгодами, возбудили ходатайство о разрешении построить у себя мосты. Ростов-

---

ские пароходовладельцы потребовали созвать особую комиссию из специалистов. Войсковая администрация, ревниво оберегавшая интересы казачьих обществ, на первых порах опешила от такого неожиданного энергичного протеста, но затем быстро нашла выход. Она образовала комиссию, в состав которой вошло восемь представителей казачьих обществ и только три человека от речного транспорта.

В 1907 году окружной атаман I-го Донского округа полковник Николай Иванович Лазарев представил в Областное правление прошение станичного круга с ходатайством о постройке наплавного моста через Дон у станицы Константиновской, который был бы «постоянно открыт для безостановочного движения судов по реке».

Мост местным жителям был крайне необходим, т.к. 4/5 юртового довольствия: пашни, сенокосы, лес — находились на левой стороне реки. Перевоз сельхозорудий и сельхозпродуктов на пароме был затруднён из-за частого движения судов по реке, а также из-за крутых берегов у станицы. Кроме того, перевоз ограничивало наличие всего трёх паромов.

9 января 1908 года Областное правление разрешило постройку наплавных мостов через Дон в станицах Константиновской, Кочетовской и Мелиховской (Ф.301, оп.8, д.1912, л.240.).

В отношении Константиновской в решении говорилось: «Место должно быть выбрано при самой станице, т.к. постройка моста вне её, выше или ниже по реке, не принесёт ни местным жителям, ни судоходству никакой пользы для беспрепятственного движения судов и плотов. Разводка мостов должна производиться во всякое время бесплатно» (Ф.301, оп.8, д.1912, л.240).

Наплавной мост состоял из трёх составных частей. Две береговые части были закреплены намертво, а средний пролёт отпускали по течению, пропускали судно и ручной лебёдкой ставили пролёт на место.

По мосту в обе стороны потекли грузы, крестьяне Мартыновской слободы ездили на верблюдах за углём, везли зерно на пароходы, сено для армейских лошадей.

31 октября 1912 года окружная газета «Константиновские известия и объявления» писала о местном мосте: «Редакцию просят обратить внимание, кого следует, на содержание нашего наплавного моста. Накопляющаяся грязь никогда не очищается, перила поломаны, а подъезды находятся в таком состоянии, что для того, чтобы выехать порожней подводе необходимо не менее часа времени. Подводы же с грузом простаивают в невылазной грязи по два три часа».

Мост пострадал при разгроме десанта полковника Назарова в июле 1920 года. Врангель направил полковника Назарова в тыл Красной Армии для организации восстания в казачьих районах. После стычки с красногвардейским отрядом вблизи Шахт десант отошёл к Константиновской.

На борьбу с десантом были брошены бойцы 2-й Донской дивизии. Им удалось прижать казаков Назарова к берегу Дона. Вот тут-то и вступили в бой бойцы Донской речной дивизии, выдвинувшиеся сюда на канонерских лодках «Рошаль», «Гневный» и «Спартак». На рассвете 26 июля в атаку пошли красноармейцы, поддержанные огнём орудий с судов речной дивизии. Артиллеристы «Рошалья» сразу же разбили наплавной мост через Дон, лишив противника возможности отступления на левый берег.

Наплавной деревянный мост из брёвен восстановили после гражданской войны. Сюда на базар стекались жи-

---

тели и Мартыновского района, и хуторов Вислый, Мечетной, Дурной, Задоно-Кагальницкий. Молоко из Мечетного и Вислого везли на маслосырзавод. И хлеб свозили сюда на элеватор все задонские хутора. Подходил пароход — отпускали один конец средней секции моста, течением отнесло — разводили, а потом опять сводили.

Началась Великая Отечественная война, фронт приближался к Дону. В октябре 1941 года командование войсками Южного фронта установило, что мост на плотках в районе Константиновской грузоподъёмностью 2,5 тонны срочно требует перестройки до 8 тонн.

В зиму с 1941-го на 1942 год военные строители возвели новый мост в районе хутора Ведерников (там, где сейчас начинается судоходный канал). По берегам Дона были забиты сваи, а середина моста держалась на 8 небольших катерах (типа рыболовецких сейнеров), соединённых между собой. Если проплывал пароход (да и какое тогда было судоходство!), то три катера по троссах спускали, пароход пропускали, а катера лебёдкой ставили на место.

Когда военные закончили работу, мост был нанесён на военные карты, но переправиться по нему никому не пришлось. В те годы по весне были большие разливы, по реке плыли огромные крыги льда. Утром у Ведерников был мост, а вечером уже нет! Когда в июне 1942 года войска отступали, мост на картах ещё был. Но переправились, кто как мог — на лодках, на плотках, на связанных бочках.

Обеспечив подавляющее превосходство в численности войск, гитлеровцы рвались к Дону. В районе станицы скопилось множество полуторок и трёхтонок. Там же образовался громадный табор из запряжённых подвод, фур, стад крупного рогатого скота и табунов лошадей, ожидавших переправы на левый берег. Наплавной мост на плашкоутах, наведённый сапёрами, методично разбивали немец-

---

кие бомбардировщики. Интенсивность бомбёжек всё нарастала. В дневное время над переправой кружили «Юнкерсы» и «Мессеры», без перерыва поливая свинцом работавших сапёров и прицельно сбрасывая бомбы на уже наведённые секции моста.

Получилось чёрт знает что! Станичный “родной” мост разобрали, якобы для ремонта, как раз перед отступлением наших войск, т.е. не разбомбили, а просто разобрали, и он преспокойно лежал на берегу. Войска двигались к переправе, а переправы нет! Из-за этого головотяпства столько военных потонуло, столько людей погибло!

24 февраля 1946 года в 10 часов утра в станице Константиновской, в кинотеатре «Октябрь», который находился на пересечении улиц Красноармейской и 25-го Октября, состоялось открытое судебное заседание. Было рассмотрено дело А.Е. Болдырева и Н.И. Халецкого. Последний в период оккупации занимал должность начальника окружной и районной полиции. Эвакуированный с 1941 года, он работал бухгалтером в жилтресте, а его сын – начальником переправы...

В 1943 году сапёры Красной Армии для своих нужд построили понтонный мост. Война ушла на запад – ушёл за войсками и мост.

Потом стали использовать паром, сперва ходивший от берега к берегу за счёт мускульной силы, а позже ставший самоходным.

Когда машины идут в Ростов-на-Дону или Шахты за материалами, товаром, то столько земли перекопают, столько грязи и снега нанесут! К парому подъедут, а здесь крыги идут...

Ночевали в очереди, в ожидании заезда на паром. Нередко случалось, что водителю было быстрее попасть домой через Цимлу, чем через паром!

Только в 1983 году, с постройкой Константиновского гидроузла, был сдан в эксплуатацию мостовой переход через Дон. Но не все знают, что первоначальный проект гидроузла не предусматривал строительство моста. И тогда районное руководство, при поддержке области, обратилось в правительство страны с предложением об изменении проекта строительства. И мост был построен.

Когда построили новый мост, паром в Затоншее разрежали на металлолом. И сегодня гости города приезжают в Константиновск уже по живописному мосту.

Содержание

<i>Валентина Граф</i>	
Историческая справка.....	3
Покровская церковь.....	6
Константиновский гидроузел.....	6
<i>Вячеслав Градобобев</i>	
Константиновск.....	7
Осень.....	9
Край донской.....	10
У Дона.....	12
Девичья грусть.....	14
<i>Людмила Градобоева</i>	
«Я обращаюсь к вам, мои друзья, подруги...».....	15
Городок на берегу.....	16
<i>Алексей Борогарёв</i>	
«Через светлы реки...».....	17
<i>Иван Вегерин</i>	
«Прошла последняя “Ракета” ...».....	18
«За рощу улеглись лучи заката...».....	20
<i>Мётр Калинин</i>	
«Дон курился рассветным туманом...».....	21
<i>Алексей Колосов</i>	
Степь.....	22
<i>Вера Магомедова</i>	
Нрав донских казаков.....	23
Мой город.....	24
Гидроузел.....	25
«По степи да по донской...».....	26
<i>Ирина Млакунова</i>	
«Последний аккорд уходящего лета...».....	27

«Вчера шёл дождь...».....	28
Бессмертник	29
<i>Олег Попов</i>	
Старая лодка.....	30
<i>Наталья Симонова</i>	
Признание в любви.....	31
Степь.....	32
Ветер.....	34
«Мягко стелятся туманы...».....	35
«Маленький дом, небольшое крыльцо...».....	36
<i>Владимир Скляров</i>	
Родные просторы.....	38
Праздник Покрова.....	39
О родном.....	40
<i>Мётр Сорокин</i>	
«Здесь начало начал...».....	41
«Я пройду по берегу Донца...».....	42
«Вот и всё. Отцвели васильки...».....	42
«В тёплой тине квакают лягушки...».....	43
<i>Юрий Митов</i>	
Берег Дона.....	44
Песня о Константиновске.....	45
<i>Вячеслав Трагобобев</i>	
Двадцатый год.....	46
Первая кровь.....	51
Клад.....	52
<i>Валентина Доминичева</i>	
Скрипела мельница крылами.....	55
<i>Евгений Каргура</i>	
История наплавного моста.....	59

литературно-художественное издание

Константиновску – 420 лет!

*Сборник стихов и очерков
ко Дню города*

Предпечатная подготовка – ООО «Альтаир»

Редактор – В.А. Тихонов
Вёрстка – В.Е. Анистратова

Сдано в набор 15.08.2012 г. Подписано в печать 07.09.2012 г.
Тираж 300 экз. Заказ № 738.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, пер. Ахтарский, 6.
Тел.: 248-47-89.